

Рецепты чудачества

Рок-н-ролл сильнее всего, а Отар Иоселиани – всего печальнее

Екатерина Сальникова

П риблизается к завершению 52-й Берлинале. В последний момент еще может возникнуть какой-то новый фаворит конкурса. И уж во всяком случае всем предстоит быть шокированными картиной брутально-экстравагантного Ким Ки-дука «Плохой парень». А пока фестивальная публика переживает документальный фильм Вима Вендерса «Ода городу Коломбье», посвященный эпохе немецкой рок-группы «VAR» и ее лидеру Вольфгангу Нидекену. Рок-движение у Вендерса разворачивается на фоне кадров исторической хроники Второй мировой, американской рекламы, фрагментов поп-шоу, пацифистских демонстраций в Германии и аппелирует к драме Германии и мифологии американскогорая. И как бы ни был изысканно образен монтаж режиссера, как бы ни был насыщен видеоряд, визуальным центром картины все равно оказываются титры, на 90% состоящие из английских подстрочников к песням Нидекена со всей психологией европейских поколений 60-х–70-х. И больше всего впечатляют документальные кадры концертов «VAR». Картина Вендерса выламывается из всего фестиваля, поскольку заставляет признать, что рок легко забывает по силе воздействия любой кинематограф.

Другие фильмы, наоборот, целиком укладываются в координаты современного кинопроцесса. «Амен» Константина Косты Гавраса подвергает нацизм психоанализу. Противостояние нациста и служителя церкви интерпретируется как интеллектуальная драма, которую, учитывая накал страстей и цветовую гамму фильма, хочется назвать «Красное и Черное». В роли священника – Матье Кассовиц, ставший популярным после роли любимого мужчины Амели. Актер превращается в звезду, чему способствует его имидж странноватого эротического чудака, парящего над прозой мира.

Еще одна ассоциация с «Амели» возникает после «Королевских Тененбаумов» Веса Андерсона. В этой эксцентрической комедии предлагается американская версия чудачества: оно не от одиночества и неприспособленности к жизни, а от избытка жизненных сил, удачливости и финансовой состоятельности. Это порода очень веселых придурков с очень крепкими нервами и здоровьем. Если Стеклового Человека и остальных чудаков из «Амели» хотелось заворачивать в вату, столь хрупкими они казались, – то героев Андерсона можно спокойно сбрасывать с небоскребов, только крепче станут. С французской официанткой Амели членов семейки Тененбаумов объединяет отсутствие смысла жизни и мучительный, но задорный поиск «чего-то главного». Белокурой контрастной парой Амели смотрится Марго-Гвинет

Пэлтроу. У нее тоже неистребимая печаль в глазах, и тоже стильные прически и наряды – при полной отрешенности от быта и суеты. Но Марго ни минуты не разыгрывает альтруистку, она – откровенный продукт запредельного эгоизма.

Американский легкомысленный мейнстрим не столько берет на вооружение мотивы серьезного европейского артхауса, сколько непроизвольно совпадает с ним по внутреннему настроению. Неприкаянность, о которой пронзительно высказывается европейское кино, составляет подспудное тихое бешенство в массовом американском.

Настоящий мировой уровень кинематографа показал Отар Иоселиани с картиной «Однажды в понедельник». Его фильм находится на стыке художественных традиций Грузии, Италии, Франции и России. В центре фильма – неимоверно трогательный и непрактичный человек. Он живет в какой-то деревеньке и ездит работать на большой завод, усаживаясь в маленькую голубую машинку и всякий раз оставляя на земле домашние башмаки. При всей эффектности нескончаемых бытовых деталей герой являет собой не столько социальный тип, сколько философский архетип человека, пребывающего по ту сторону прагматики и целеустремленности.

В эксклюзивном интервью корреспонденту «НГ» Отар Иоселиани рассуждает о том, чего он не приемлет в современной жизни.

– Ваш фильм полностью укладывается в нынешнюю тенденцию делать главного героя асоциальным чудаком, который ведет себя не так, как большинство людей...

– Видите ли, когда Ерофеев написал «Москва–Петушки», нам только казалось, что он говорит от лица исключительного персонажа. На самом деле его герой – как мы все. Другое дело, что мы, нормальные люди, стали выглядеть чужаками в глазах тех, кто практикует меркантильную беготню и погоню за бесконечным обогащением. Как будто в этом кавардаке, в этом круговороте весь смысл жизни! А разве так уж странен человек, который вдруг плюнул на работу и куда-то решил смотаться. Или – люди, которые от скуки подсматривают друг за другом через подзорную трубу. Или – люди, которые встречаются друг друга случайно, и вдруг решают: а почему бы вместе не прогуляться, не доставить себе такое удовольствие. Просто так! Суть в том, что в моем фильме никто ни от кого ничего не хочет. А по нынешним нормам это действительно как-то странно.

– Но фильмы о людях, похожих на вашего героя, сейчас любят смотреть все, в том числе и те, кто встроены в прагматичную деловую жизнь. Возможно, все мечтают но почти никто никогда не рискует всерьез зажить так, как он...

Независимая - 2002 - 16 апреля с. 8.

Кадр из фильма Вендерса «Ода городу Коломбье»

Авторское кино Иоселиани претендует быть остросовременным в XXI веке.

Кадр из фильма «Однажды в понедельник»

– Винсент в моей картине отправляется путешествовать в Венецию. И там его тут же первым делом обворовывают. Но оказывается, что это не такая уж ошущимая потеря. Вы заметили, что ведь с ним после этого ничего плохого не случается? Я помню очень хорошо определение проблемы денег у Гиляровского: деньги, их то ли нет, то ли они есть, а лучше бы их не было. Когда денег нет, тогда и проявляется, кто тебе по-настоящему друг, а кто нет. И самое неприятное положение у слишком состоятельных людей. Вокруг них много и домочадцев, и приятелей, но надо все время думать – настоящие ли они друзья, по-настоящему ли они все близкие люди? Я лично, как только сталкиваюсь с богатыми людьми, стараюсь не вступать с ними в дружеские отношения...

– Вы не верите, что деньги и искренние чувства совместимы?

Для этого нужна культура, которая в последнее время исчезла, в том числе и в России. Был, конечно, когда-то Савва

Морозов. И не могло быть такого, чтобы он подозревал Серова или Врубеля, что они дружат с ним по прагматическим причинам. А сейчас всякое возможно. Качество интеллигенции и качество владельцев больших капиталов было совершенно иным. Я побывал в России на некоторых собраниях. И познакомился с двумя ключевыми понятиями – халаява и тусовка. Эти две вещи определяют зависимость будто бы независимых в силу профессии людей от денег, которые исходят очень часто от тех, кто обладает не очень высоким вкусом.

– Вы говорите сейчас о России. А во Франции как обстоят дела?

– Там то же самое. Только французы умудряются вступать с тобой в очень жесткие отношения под маской вежливости. Тогда уж я предпочитаю наше российское хамство. Во Франции, если у тебя случайно не хватило где-нибудь в кафе 20 центов, тебя так со всей «вежливостью» унижат и обольют грязью и презрением, что на всю жизнь останет-

ся воспоминание. В России все же скажут: «Ладно, или уж...»

– Ваш фильм смотрится как гармоничное произведение. Но в основе – резкое неприятие современного общества.

– Поэтому я и решил избавить своих героев от всех проблем, о которых сейчас говорил, и сохранить в их мире нормальные отношения. Жизнь сама по себе трагична. Либо надо вкалывать – и никакой радости от этого не испытывать. Либо надо от этой жизни бежать. Куда? Везде такие же люди, такие же несчастные и вкалывающие, добропорядочные, гостеприимные. Но времени для тебя ни у кого нет. В Венеции такой же человек, как и Винсент, пойдет так же работать на таком же вонючем заводе. И герой останется снова один. Ну, пойдешь куда-нибудь еще, «искать по свету уголок». Но все равно вернешься домой. А что еще делать? Вообще-то я снял комедию. Но просто когда начинаешь размышлять о чем-либо, обязательно призадуматься и о том, как все-таки худо устроен этот мир.